

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2021.2.1

Мифы «перестройки»

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

2021 г. связан с важным и драматическим событием в истории России. 26 декабря 1991 г. Советом Республик Верховного Совета СССР была принята декларация о прекращении существования Советского Союза. Основанием этого решения явилась «перестройка», затеянная М. С. Горбачевым и его ближайшим соратником А. Н. Яковлевым с целью «совершенствования социализма». В ходе «перестройки» Яковлев обрел в либеральных массах титул ее «идеолога» и «архитектора».

В постперестроечные годы в свет вышли книги А. Н. Яковлева «Горькая чаша», «Сумерки», «100 лучших интервью» и др. В них он пытается представить необходимость «перестройки» в контексте всей истории России XX в. начиная с Великой Октябрьской социалистической революции. Однако целый ряд его принципиальных идей, оценок и выводов отличается недостоверностью, крайней тенденциозностью, а часто — искажением исторических событий. Имеющие мифологизированный, ничем не подкрепленный характер, эти положения в значительной степени направлены на оправдание тех действий, которые привели к уничтожению Советского Союза, якобы затормозившего или даже перечеркнувшего гармоничное развитие экономически успешной царской России.

Однако, чтобы понять предмет исследования, надо подойти к нему исторически. Это неоспоримый принцип научной методологии: время неделимо, три его модуса — «прошлое», «настоящее», «будущее» — условности; прошлое в той или иной мере присутствует в настоящем. Автор статьи — советский и российский философ и социолог, доктор философских наук, профессор И. М. Ильинский — помещает «перестройку» как историческое событие в более широкий и глубокий исторический контекст уже происшедшего с Россией, чтобы представить Происшедшее в более правдивом, объективном, неангажированном виде. Автор стремится на основе документальных источников воссоздать подлинную картину советской истории и выявить историческую истину о событиях Октябрьской революции, которые в работах А. Н. Яковлева представлены недостоверно.

В статье опровергается миф А. Н. Яковлева об Октябрьской революции как «контрреволюционном перевороте», приведшем страну к формированию якобы неэффективного экономического хозяйства. Автор данной статьи раскрывает историю целого ряда событий, начиная с Манифеста 1826 г., запретившего открытое обсуждение крепостного права, показывает сложность предреволюционной ситуации, показывает особенности участия в этих процессах многочисленных политических партий и союзов, Государственной думы, Совета министров, Временного правительства. И, таким образом, развенчивает миф, обеспечивающий «легитимность» тем действиям, которые привели в 1991 г. к уничтожению Советского Союза — «крупнейшей геополитической катастрофе XX века», по оценке Президента России Владимира Путина.

Ключевые слова: «перестройка»; Советский Союз; мифологизация истории; Россия; Великая Октябрьская социалистическая революция

МИФ О ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
КАК «ОКТЯБРЬСКОМ ПЕРЕВОРОТЕ» И «НЕЭФФЕКТИВНОСТИ»
СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ И ПЛАНОВОГО ХОЗЯЙСТВА

*И пришел к глубокому убеждению,
что октябрьский переворот является
контрреволюцией, положившей начало
созданию уголовного деспотического
государства российско-азиатского типа.*

А. Н. Яковлев. Сумерки

Чтобы показать, что в Октябре 1917 г. в России произошла социальная (социалистическая) революция, которая по своим последствиям для России и всего мира по праву названа Великой, я вынужден начать издали, но постараюсь говорить как можно короче, эскизно.

Склонность к тому, чтобы держать в тайне все неприятное, выразилась и в манифесте царя Николая I от 2 мая 1826 г. о незыблемости крепостного права в России, который запретил открытое обсуждение крепостного права. Упоминание многочисленных крестьянских волнений в значительной степени омрачило бы обманчивую картину спокойствия, сложившуюся в столице, и показало бы зарубежным странам обратную сторону якобы цветущей «житницы Европы». Общество оставалось в неведении относительно действительной обстановки в стране (Русские цари ... , 1997: 408).

«Об общеэкономической программе не могло быть и речи. Тем удивительнее, что Николай расчищал путь строительству железных дорог. Сначала он одобрил строительство опытного участка от Петербурга до Царского Села длиной 23 км, официально открытого в 1837 году, затем линии Варшава — Вена и, наконец, участка от Петербурга до Москвы, который был открыт в 1851 году» (там же: 410).

Экономические соображения играли второстепенную роль. Николай видел самое большое преимущество в более быстрой перевозке войсковых частей. Таким образом, раннее введение самого современного средства сообщения нельзя рассматривать как признак принципиально новой ориентации экономической политики в направлении развития промышленности либо как решение в пользу широких социальных перемен (там же).

В марте 1856 г. царь Александр II сказал московскому дворянству: «Гораздо лучше, чтобы освобождение крестьян произошло свыше, *нежели* снизу» (цит. по: Покровский, 1913: 74; здесь и далее в цитатах курсивным шрифтом выделено мной. — *И. И.*). «Опасение крестьянской *революции* не только существовало, но и могло быть аргументировано с достаточной полнотой» (там же), — говорится в обширной статье «Крестьянская реформа», размещенной в коллективной монографии «История России в XIX веке». Ее автор М. Н. Покровский пишет: «О степени эксплуатации крестьян можно судить по следующему донесению генерал-губернатора Игнатьева в 1853 году: “В Витебской губернии крестьяне почти не знают хлеба, питаются грибами и разными сырыми веществами, порождающими болезни; нищета страшная, а рядом роскошь помещиков; жизненные силы края совершенно истощены в нравственном и физическом отношениях, расслабление достигло крайних пределов”» (там же: 75). Далее сообщается: «Количество вос-

станий в губернии с 1845 по 1853 год выросло в четыре раза. В 1845–1849 гг. их было 172. В волнениях участвовало до 10 тыс. человек. Крестьяне вооружались: покупали ружья, порох, лили пули, перековывали лемеха на пики. Для подавления этого движения был выделен пехотный полк» (там же: 76).

Всего один пример по одной из губерний царской России, но как много и страшно говорящий!

Вдобавок к названным объективным фактам и цифрам, свидетельствующим все не о «процветавшей» России, приведу три высказывания государственных персон столь высокого ранга, что при всем желании их невозможно заподозрить в фальсификации. Крайне важно и то, что *об одном и том же* (об экономике, финансах и состоянии социальных дел в России) они говорят *в разное время* с интервалом в полтора десятилетия. Это позволяет судить не только о статике, но и о *динамике* развития страны, по крайней мере за 15 лет.

17 марта 1899 г. на совещании министров, проходившем под председательством Николая II, министр финансов и «отец русской индустриализации» С. Ю. Витте, добившийся немалых успехов в этом деле, говорил: «Если сравнивать потребление у нас и в Европе, то средний размер его на душу составляет в России *четвертую или пятую часть того*, что в других странах признается необходимым для *обычного существования*». Министр подчеркивал, что рост потребностей страны далеко опережает успехи ее промышленного развития (цит. по: Бушков, 2002: 494).

Через 10 лет, в 1909 г. В. И. Гурко, заместитель министра внутренних дел, экономист и идеолог умеренно правых, которого монархисты тех лет называли «человеком редкого ума и исключительного образования», «украшением сановной русской бюрократии», в программной работе утверждал, что Россия *проигрывает* во всемирном соревновании, что она и до революции 1905 г. «занимала последнее место среди других мировых держав», после же революции «ее экономическое положение проявляет грозные *признаки ухудшения*; количество многих производимых страной ценностей уменьшается, удовлетворение главнейших народных потребностей понижается, государственные финансы приходят во все большее расстройство» (Гурко, 1909: 1).

Наконец, стоит процитировать сказанное самим императором Николаем II. В 1914 г., накануне Первой мировой войны (после поездки по России в предшествующем году), император отмечал, что, наряду со «светлыми явлениями» народной жизни, он видел также «*печальную картину народной немощи, семейной нищеты и заброшенности хозяйств*». Судя по высказываниям в связи с императорским заявлением типа «*русский народ надо извлечь из нищеты и невежества*», темные стороны жизни явно доминировали над светлыми (Джунковский, 1997: 282–283).

Россия, безусловно, не стояла на месте, развивалась. Но по важнейшим показателям — национальный доход, заработная плата, обеспеченность продуктами питания, уровень грамотности, продолжительность жизни и др. — она не только не опережала такие страны, как США, Германия, Великобритания, но и далеко отставала от них, да и от некоторых других. И уж никак не «процветала», как утверждал в своих книгах, статьях и выступлениях «архитектор перестройки» А. Яковлев.

И таким, с небольшими отличиями в лучшую, а то и в худшую сторону, положение крестьян было во всей крепостной России. По этой теме существует огромная

научная и художественная литература. Нужны ли обобщения? Для образованных и думающих людей, уверен, не нужны: книга, которую я цитирую, издана еще при царствовавшем Николае II...

Волнения на заводах и фабриках России были гораздо масштабнее. Характеризующие их цифры широко известны, и некоторые будут названы мною позднее.

Вторая половина XIX в. в связи с *социальным кризисом* в России получила название эпохи великих реформ. В 1860 г. была проведена городская реформа, в 1861 г. — крестьянская, в 1863 г. — университетская, в 1864 г. — земская, в 1864 г. — судебная, в 1865 г. — цензурная, в 1860–1870 гг. — военная. В начале XX в. крестьянская реформа была продолжена под руководством П. Столыпина. Реформы затронули и другие важные стороны жизни российского общества и государства, но они не коснулись основ самодержавно-монархической власти.

Не могли реформы компенсировать и то экономическое отставание, которое демонстрировала Россия в XIX в.

«Задержка модернизации страны с 1820-х по 1870-е гг., — пишут авторы книги «Две России XX века», — сказала полвека спустя. Промышленность не была готова обеспечить вооруженные силы в Первой мировой войне: Россия в 1913 г. выплавляла 4,2 млн тонн стали, а Германия — 17,8 млн тонн. Рынок на землю стал развиваться после 1895 г. при посредстве земельного банка, но частновладельческое крестьянство только начало складываться при Столыпине. Гражданское же сознание массы крестьян не поднялось выше верности “царю-батюшке”. Когда тот отрекся от престола, можно было бросить фронт и идти “разбирать” помещичьи имения.

Задержав реформы, охранительная политика революции только способствовала. А конституционный по сути Манифест 17 октября 1905 г. представлял собой не искренний союз монарха и общества, а вынужденный революцией 1905 г. компромисс, от которого обе стороны старались увильнуть. Что и подтолкнуло в условиях трудной войны к крушению в марте 1917 г. Ни от наследия крепостничества, ни от наследия неограниченного самодержавия страна не избавилась вовремя и до конца» (Пушкарев и др., 2008: 20–21).

О том, сколь напряженной была общественная ситуация в России в начале XX в., говорит количество политических партий, различных по своим программам, целям и задачам, количественному составу.

Перечислю только их названия, опираясь исключительно на дооктябрьское издание коллективного труда под редакцией известных для историков личностей — Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова «Общественное движение в России в начале XX века» (Общественное движение в России ... , 1914).

Данный том содержит краткий анализ 22 партий — народнических, национальных, правого (реакционного) и левого (умеренного, радикального и крайне радикального) толка. Это Конституционно-демократическая партия; Партия социалистов-революционеров, Партия трудовиков, Народно-социалистическая партия; Российская социал-демократическая рабочая партия; Союз 17 октября (октябристы); польские партии; Латышский социал-демократический союз, Демократическая партия, Латышская народная партия; Балтийская конституционная партия; эстонские партии; Литовская социал-демократическая партия, Литовская демократическая партия; Украинская социал-демократическая рабочая партия, Украинская радикально-демократическая партия; Армянская революционная федера-

ция «Дашнакцутюн», армянская социал-демократия; грузинские партии; еврейские партии; правые, контрреволюционные партии: Русское собрание, Русская монархическая партия, Союз русских людей, черносотенное движение; аполитичные и антипарламентские группы: анархисты, максималисты, махаевцы, или группа рабочего заговора.

Три революции начала XX в. (революция 1905 г., Февральская буржуазно-демократическая и Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г.) имеют одну общую и главную причину — *развитие капитализма в России, которое торжествовало царским самодержавием*, а также крайнее угнетение, жестокая эксплуатация крестьян на селе и рабочих в городах. Все три революции поразили Россию не вдруг, неожиданно. Россия была беременна революцией и «разродиться» ей могло помочь только «насилие — повивальная бабка истории» (К. Маркс).

Революция 1905 г. потерпела поражение, но еще два года держала российское общество в огромном напряжении, а самодержавную власть — в панике и страхе.

Как уже показано, в конце XIX в. в России действовали десятки партий различного идейного толка, не говоря о тайных кружках и союзах. «В событиях 1905–1907 гг. российской социал-демократии было суждено сыграть весьма замечательную роль. Ее деятельность привлекла к себе внимание страны в большей мере, чем выступления какой бы то ни было из русских политических партий» (Общественное движение в России ... , 1914: 538–539). Но не большевики, а меньшевики и их лидеры были впереди в революции 1905 г.: Плеханов, Мартов, Аксельрод, Парвус (Гельфанд) и Троцкий, издавший в 1904 г. в Женеве книгу «Наши политические задачи», которую называли «манифестом российского меньшевизма». Троцкий выступал в ней с резкими нападениями на Ленина (Троцкий, 1990: 11).

В Петербурге Троцкий появился в разгар октябрьской стачки 1905 г. На Учредительном собрании Петербургского совета рабочих депутатов 13 октября Троцкий под фамилией Яновский был избран заместителем председателя этого Совета, а 27 ноября, после ареста Хрусталева, председателя Совета, Троцкий в присутствии 302 депутатов на общем собрании Совета был избран в числе трех человек во временный Президиум и *фактически стал председателем Совета*. Однако 3 декабря Троцкий был арестован, провел под арестом 57 недель и в октябре 1906 г. в самый разгар военно-полевых судов над участниками революции был осужден на вечное поселение в Сибирь (там же: 13).

Но и большевики в событиях 1905–1907 гг. сыграли заметную роль. В Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) рабочие видели реальную силу, которая отстаивала их интересы во всех краях и крупных городах России.

Судить об этом можно по географии регионов и городов, которые были представлены на III съезде РСДРП(б) в мае 1905 г.: 111 делегатами из 57 местных организаций страны (один делегат от 300 избирателей — членов партии). Всего в работе съезда участвовало 156 человек из 57 районов и крупнейших городов России (Санкт-Петербург, Москва, Ревель, Смоленск, Вильна, Витебск, Двинск, Тверь, Воронеж, Владимир, Иваново, Вознесенск, Кострома, Ярославль, Орел, Киев, Курск, Чернигов, Полтава, Харьков, Тифлис, Баку, Кутаиси, Ереван, Батуми, Пермь, Уфа, Тагил и др.) (Общественное движение в России ... , 1914: 572). В целом партия объединяла в своих нелегальных организациях «несколько десятков тысяч рабочих и несколько тысяч учащихся, солдат и крестьян; сфера же ее непосредственного

организационного влияния охватывала сотни тысяч городского и сельского населения» (там же: 575).

Уже на этом съезде (прошу читателя обратить внимание. — *И. И.*) В. И. Ленин говорил о необходимости *захвата власти* (там же: 558).

Разумеется, никак нельзя сводить народное недовольство самодержавной властью и борьбу с ней только к социал-демократической партии. Как уже говорилось, действовали также крупные партии кадетов, эсеров, социалистов, анархистов и др.

Российская социал-демократическая рабочая партия разделилась в 1902 г. на своем съезде в Брюсселе и Лондоне на две организационно самостоятельные партии — РСДРП (большевиков) и РСДРП (меньшевиков), которые еще до 1905 г. объединяли каждая десятки тысяч революционеров, многие из которых прошли тюрьмы, ссылки, каторгу, были вынуждены скрываться за границей.

Осмысление революций 1905 г., Февральской и Октябрьской 1917 г. — процесс нескончаемый. За каждой из этих революций — свои вехи и свои глобальные перемены, которые так или иначе повлияли на историю нашей страны. В зависимости от временного лага и политических пристрастий роль и значение этих революций для каждого нового поколения видятся в разных ракурсах.

Абстрагироваться от личных, духовно-нравственных и политических ценностей, которые есть у каждого исследователя, полностью деидеологизироваться практически невозможно, но попытаться сделать это необходимо.

Выросший в стране, где властвовала марксистско-ленинская идеология, я усвоил многие ее постулаты. Время, новые неоспоримые знания внесли свои коррективы в мое сознание. Но есть идеи и ценности (социальная справедливость, долг перед Родиной и «другими», честь, совесть), которые проникли в мою душу так глубоко, что я буду верен им до конца жизни. У меня есть свое понимание прошлого, своя правда, которую я и хочу донести до читателя.

Три великих потрясения России первой половины XX в. — три революции — представляются мне (каждая в своей степени) великими. Но прежде всего — Великая Октябрьская социалистическая. Великие события истории независимо от их масштаба недопустимо оплевывать и втоптывать в грязь. Это наша, российская история, это история наших предков, это лично моя история.

Шквал полицейских репрессий, пронесшийся в декабре 1905 г. по всей России, заставил народ и политические партии несколько утихомириться, изменить тактику борьбы, вырабатывать ее новые способы. В этот период восстали все силы реакции, и прежде всего «черные сотни». Мелкая буржуазия, увидев поражение рабочего движения, стала с недоверием относиться к силам революции.

Но разве дело было только в партиях, а тем более в одних большевиках? 8 июля 1906 г. Николай II распустил I Думу, в которой были представители как левых, так и правых партий. Глядя на пестрые одежды Думы — сюртуки, пиджаки, рабочие косоворотки, крестьянские рубахи, священнические рясы, можно было сказать, что ее состав отражал весь народ России. В массах вспыхнуло возмущение.

Чтобы сбить народ с толку, непопулярный председатель Совета министров И. Горемыкин был отправлен царем в отставку, а его место занял министр внутренних дел П. Столыпин, знаменитый тем, что, будучи в должности Саратовского губернатора, расстрелами подавил стихию вышедшего из повиновения многотысячного крестьянского схода.

Но это не изменило общественного климата. 10 июля большинство распушенной Думы, где были представители всех партий, собралось в Выборге и призвало граждан России не давать «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию», пока не будет вновь созвана Дума.

Вскоре под Петербургом начались военные волнения. 18 июля восстала Свеаборгская крепость, провозгласив лозунги: «Учредительное собрание», «Земля и воля». Через два дня произошли восстания в Кронштадте и на крейсере «Память Азова» (Зырянов, 1992: 31).

Восстания были подавлены властями. Последовали многочисленные расстрелы. Члены I Думы, подписавшие «Выборгское воззвание» в ответ на решение царя Николая II о роспуске Думы, были отданы под суд (там же: 32).

12 августа 1906 г. на даче Столыпина три террориста из партии эсеров-максималистов произвели взрыв, жертвами которого стали 27 человек. Среди раненых были сын и дочь Столыпина. Сам он не пострадал. Император все эти месяцы сидел безвыездно в Петергофе, боясь выйти из дворца.

19 августа был принят чрезвычайный указ о военно-полевых судах, судопроизводство в которых должно было завершиться в течение 48 часов, а приговор исполнялся в 24 часа (Россия. Законы и постановления ... , 1909). «Скорострельный» указ «работал» несколько месяцев. Официальных сведений о числе жертв военно-полевых судов нет. По подсчетам исследователей, с августа 1906 г. по апрель 1907 г. военно-полевые суды вынесли 1102 смертных приговора. 20 апреля 1907 г. «скорострельный указ» потерял силу. Однако продолжали действовать военно-окружные суды. В целом за 1906–1909 гг. было казнено (расстреляно и повешено) 2825 человек. «Архитектор перестройки» Яковлев называет другие цифры: по его данным, казнили 4000 человек (Яковлев, 2003: 87).

В ноябре 1907 г. Федор Родичев, один из депутатов II Думы, употребил выражение «стольпинский галстук». Столыпин вызвал депутата на дуэль, которая не состоялась, поскольку Родичев принес Столыпину свои извинения. Но выражение «стольпинский галстук» прочно вошло в историю.

Столыпин понимал и говорил, что *«революция — это реакция на крайнюю несправедливость, царящую в российском обществе, стремился не только подавить революцию при помощи репрессий, но и снять ее с повестки дня путем реформ»* (Зеньковский, 2002).

Может быть, именно это понимание и сделало его самым яростным реформатором из всех российских премьеров. Во всяком случае, в записке, найденной уже после убийства Столыпина, было написано: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки *внутреннего уклада*. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствие, а не причину: залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления... Это было бы и роковой ошибкой — там, где правительство побеждало революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия — *признание бессилия правящей власти*» (Зырянов, 1992: 37).

Я привожу все эти примеры вовсе не во славу революции как способа радикального переустройства мира, а в знак категорического протеста против усиленно выдвинутого в сознание нынешних поколений яковлевского мифа о том, будто

«с конца XIX и в начале XX в. Россия процветала, народ боготворил своего царя и власть», а революции возникали «из-за проклятых большевиков».

Это — ложь. Сама жизнь требовала смены режима самодержавия. 1906 г. был всего лишь недолгой порой относительного затишья...

Однако год от года настроения в обществе становились все более радикальными, причем не только «внизу». Первая мировая война еще более проявила и обострила противоречия в жизни страны. Двух лет оказалось достаточно, чтобы надломить силы царской России. Денег на ведение войны не хватало. В 1916 г. в городах *начался голод*, который привел к быстрому нарастанию рабочего движения. В 1916 г. произошло более 1500 стачек. Бастовало свыше миллиона рабочих. На фронте начались солдатские выступления. Тысячи солдат бросали окопы и уходили по домам. На многих участках фронта участилось братание с войсками противника. В деревнях крестьяне захватывали земли помещиков, поджигали их имения. Масштабы этих событий говорили о том, что революция «снизу» была реальна и близка.

Радикализация настроений происходила не только в народных массах. Застрельщиками в борьбе с николаевским самодержавием как отжившим и нежизнеспособным не всегда открыто и громко, но все чаще выступали отдельные буржуазные деятели, либеральные бюрократы, партия конституционной демократии, военное командование, социалисты и даже некоторые придворные царя. Все они стремились обрушить самодержавную систему ради построения некоего невнятного мыслимого «нового общества» и «нового порядка», которые успокоили бы народную стихию, клокотавшую вокруг, словно вулканическая магма.

При этом лидеры будущей Февральской революции, критикуя самодержавие, не думали обрушить всю систему существовавшего режима. Больше всего их волновал вопрос о власти.

Радикалисты верхнего эшелона власти *готовили заговор*, предполагая арестовать Николая II, заставить его отречься от престола в пользу малолетнего сына, а в качестве правителя поставить брата царя — великого князя Михаила. До отречения царя было еще далеко, а они уже начали делить шкуру неубитого медведя.

Как писал впоследствии один из главных заговорщиков А. И. Гучков, они надеялись обойтись верхушечным переворотом, чтобы минимизировать общественные потрясения, не допустить народной революции. «...Иначе, — как считал Гучков, — это очень плохо *будет выполнено улицей и стихией*» (А. И. Гучков рассказывает ... , 1993: 17).

У радикально настроенной буржуазии, либеральной бюрократии, партии конституционных демократов в России было немало сочувствующих среди образованного и состоятельного населения, в том числе дворян и помещиков. Они тоже выступали за смену царя, борьбу против «темных сил» и «старого строя». Однако никто из них не представлял полной картины и степени сложности веками копившихся проблем, тем более не знал, как их решить в кратчайшие сроки. Ибо народ ждал перемен к лучшему и вот-вот мог снова взорваться революцией. Либералы не собирались расставаться с монархией, менять общественный строй, понимая, что верхушечный переворот не разрешит проблем, а, вполне вероятно, лишь обострит их.

Тем не менее свержение с трона Николая II истолковывалось буржуазными политиками как главное условие избавления России от всех зол и как залог побе-

ды в разразившейся Первой мировой войне. Это был основной тезис революционной буржуазии и интеллигенции в их предреволюционной пропаганде, во многом совпадавший со строем мыслей революционной рабоче-крестьянско-солдатской России.

«Верхушечный» слой российского общества не отдавал себе отчета в том, что кличет на свою голову беду, которая грянет вскоре после падения царской власти; что либералы с каждым годом, сами того не желая, все более революционируют народные массы, для которых ненавистным было не только самодержавие, но и класс эксплуататоров и угнетателей в лице буржуазии, дворян, помещиков и прочих «слуг царизма». Парадокс заключался в том, что правые и левые революционеры мечтали об уничтожении «старого мира» и построении «нового мира», но едиными обе эти силы были только в словах, за которыми стояли непримиримо противоположные интересы.

Отличие и сила Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) состояла в том, что она имела политическую идеологию (марксизм), опытного и признанного руководителя — Ульянова-Ленина, его теоретические работы о социалистической революции, в том числе написанные в предфевральский период («О лозунге Соединенных Штатов Европы» — 1915 г., «Военная программа пролетарской революции» — 1916 г.), в которых он, по сути дела, *уточнял (как устаревший) тезис Маркса* об одномоментных революциях в капиталистических странах и заявлял, что в эпоху империализма *«возможна победа социализма... в одной, отдельно взятой... стране»* (Ленин, 1969: 354); что социалистическая революция *не является одним актом или одной битвой*; что это *целая эпоха классовых сражений* (экономических, политических и идеологических). «Кто ждет “чистой” социальной революции, тот никогда ее не дождется» (Ленин, 1973: 54).

Сегодня Маркс и Ленин подвергаются сокрушительной критике, но *в свое время* и на годы вперед они были провидцами. Антикоммунист Яковлев называет фундаментальный труд Маркса «Капитал» публицистикой. Смешно! Видные ученые Запада и ныне считают Маркса крупнейшим теоретиком-экономистом XIX в., труды Маркса изучают студенты серьезных экономических университетов мира. Да, его тезисы о том, что «насилие — это повивальная бабка истории», что «без диктатуры пролетариата немыслимо уничтожение эксплуататорских классов», и другие им подобные в наши дни вызывают отторжение. Но в его времена вопрос стоял так: либо диктатура и гнет буржуазии, либо диктатура пролетариата. Еще в памяти были времена французского Термидора, еще казалось, будто в воздухе звучит мелодия «Марсельезы» и слышатся четкие, как ход метронома, удары гильотины...

Началась вторая половина февраля 1917 года...

Грозовую тучей нависло над Россией ожидание революции. О революции с надеждой говорили, за нее страдали, ее готовили наиболее сознательные элементы в рабочей, крестьянской и солдатской массе. Революцию предрекали в кругах прогрессивной интеллигенции. Революцией пугали друг друга промышленники, помещики и купцы, от нее, словно от черта во святом храме, отрешивался забитый и малограмотный обыватель. Грядущую революцию чувствовали, ее неумолимость подозревали, ее изучали наиболее дальновидные царские политики.

Откровенно и зло об угрозе революции говорил царю председатель Государственной думы Родзянко, упрекая его в опасной пассивности. Даже у самого трона

были люди, отдававшие себе отчет в чреватости сложившейся политической обстановки таким взрывом, который может уничтожить существующий строй.

Председатель военно-промышленного комитета Гучков замышлял государственный переворот. Разуверившись в способности правительства серьезно влиять на ход событий в стране, металась в поисках выхода и путей спасения своих капиталов наиболее головастые капиталисты.

Крупный петроградский промышленник Путилов бредил идеей введения в России военной диктатуры... Ходили слухи о монархическом заговоре во главе с царицей Марией Федоровной, матерью Николая II, программой которого были сепаратный мир с Германией и подавление революции железной и беспощадной рукой диктатуры военных.

Как и все его окружение, революции боялся, но не верил в ее возможность российский самодержец Николай II. Венценосец и мысли не допускал, что в России может найтись сила, способная встать во главе ее разношерстного населения и тем более поднять его на свержение богом освященной монархии.

Когда генерал Спиридович, начальник личной охраны царя, его любимец, человек умный и преданный трону, представил свое тревожное исследование о социал-демократическом движении, царь сделал ему внушение и отправил градоначальником в Ялту. Император был уверен, что четвертое столетие царствования династии Романовых, счет которому начался всего-то три года назад, будет не менее счастливым, чем три предыдущих. Он безотчетно верил в армию и жандармерию, считал, что они по его указанию способны немедленно покончить с любым бунтом, если таковой завяжется.

Общественные настроения в России, особенно в столице, наэлектризовались до крайнего предела. Достаточно было искры, чтобы население Петрограда взорвалось.

17 февраля забастовал один из цехов крупнейшего в городе Путиловского завода. В ответ администрация решила с 22 февраля закрыть предприятие и уволить 30 тыс. рабочих. Петербургский комитет РСДРП (большевиков) призвал рабочих к политическим митингам. Путиловцы решили остановить работу всех заводов Нарвской заставы, разошлись по городу, призывая рабочих поддержать стачку. Начавшиеся митинги продолжались несколько дней, раскачали весь Петроград, да и Россию.

23 февраля в городе произошла демонстрация, двигавшаяся со всех районов Петрограда в центр столицы с лозунгами «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!». На следующий день, 24 февраля, а затем и 25 февраля забастовки и демонстрации продолжались. Начались схватки с полицией.

26 февраля *по призыву большевиков* рабочие начали переводить политические стачки в восстание, разоружая полицейских и жандармов. В столкновениях появились жертвы с обеих сторон.

Телеграммой из Ставки фронта Николай II приказал «прекратить беспорядки». В действие должны были вступить войска Петроградского гарнизона, но приказ не был выполнен. Тысячи солдат отказывались стрелять в народ, бросали винтовки.

Один за другим полки гарнизона стали переходить на сторону восставших.

Под впечатлением восстания в Павловском полку председатель Думы Родзянко вечером этого дня послал царю телеграмму: «Правительственная власть на-

ходится в полном параличе и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок. <...> Государь, безотлагательно призовите лицо, которому может верить вся страна, и поручите ему составить правительство...» (Телеграмма председателя ... , 1917).

Царь рассердился, сказал министру двора, графу Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать» (цит. по: Троцкий, 2018: 100).

Восставшие захватили тюрьмы, освободили политзаключенных.

Бюро ЦК РСДРП(б) выпустило манифест с призывом покончить с царским режимом и требовать создания временного революционного правительства. А пока большевики выпустили листовку с призывом к рабочим и солдатам создавать на заводах, фабриках и в воинских частях стачечные комитеты, которые должны были избрать своих представителей в единый революционный орган власти — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

Делегаты от заводов и фабрик собрались 27 февраля в левом крыле Таврического дворца. В 15 часов дня был избран Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, председателем которого стал Н. С. Чхеидзе — меньшевик. Впервые в истории России был создан орган политической власти народа (Петроградский совет ... , 1991).

В те же самые часы, когда депутаты Петроградского совета заседали в Таврическом дворце, в здании Мариинского дворца делегация Думы во главе с Родзянко вела беседу с великим князем Михаилом Александровичем и председателем Совета министров Голицыным. Делегаты Думы доказывали им, что единственным спасением страны является *передача власти Думе*, которая сможет образовать авторитетное и действенное правительство.

Сообщение о переговорах довели до царя. В двенадцатом часу ночи из Ставки Голицыну поступила телеграмма: царь сообщал, что какие-либо перемены считает недопустимыми (Ильинский, 1986: 104).

К шести часам вечера члены Совета министров перебрались с Моховой в Мариинский дворец. С общего согласия князь Голицын послал царю телеграмму, в которой сообщал, что *Совет министров не может справиться с народным движением и потому просит о своем увольнении*.

Сообщения царицы, военного министра и Голицына привели Николая II в крайнее смятение.

Между тем Государственная дума находилась в растерянности и колебаниях: ведь депутаты — избранные народа. Что делать?

Признать революцию и попытаться возглавить народное движение? Либо бесславно погибнуть вместе с царизмом? Надо было решаться. Дума хотела спасти монархию и меньше всего желала установления народной власти. Однако в ночь на 27 февраля Родзянко получил высочайший указ: «На основании ст. 99 основных государственных законов повелеваем: *занятия Государственной Думы прервать с 26 февраля сего года* и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 года в зависимости от чрезвычайных обстоятельств». Дума была закрыта!..» (Перетц, 1917: 26)¹

Выслушав указ царя, депутаты в смятении и растерянности тотчас же покинули зал заседаний и собрались в полуциркульном зале Таврического дворца. Начались споры, ссоры, истерики...

Одни предлагали, несмотря ни на что, взять власть в свои руки. Другие требовали передать власть в руки наиболее авторитетного царского генерала. Третьи настаивали на создании комитета, который встал бы и над Думой. Керенский просил полномочий на встречу с войсками и союз с ними. Милюков умолял не спешить с выводами и решениями.

Родзянко шлет царю отчаянную телеграмму: «Занятия Государственной Думы указом Вашего Величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно восстановить порядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому Министерства внутренних дел и к Государственной Думе. *Гражданская война началась и разгорается*. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену Вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно эти меры высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перекинется в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с нею и династии — неминуемо. От имени всей России прошу Ваше Величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу Вашу и Родины, настал. Завтра может быть уже поздно» (Телеграмма Родзянко царю ... , 1927).

И тут в Думу пришло сообщение о том, что восставший народ создал свой орган народовластия — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Дума решила создать Временный комитет как орган исполнительной власти для наведения порядка в столице. Это произошло ровно *в полночь с 27 на 28 февраля 1917 г.* В состав Комитета вошли М. В. Родзянко, А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, В. В. Шульгин, П. Н. Милюков, М. А. Караулов, А. И. Коновалов, И. И. Дмитриков, В. А. Ржевский, С. И. Шидловский, Н. В. Некрасов и В. Н. Львов (Перетц, 1917: 26).

Необходимо заметить, что в тот момент, когда шло и завершилось первое заседание Петросовета и до полуночи, покуда Временный комитет Думы еще терзался сомнениями, Петросовет был *единственным органом власти в России*².

Не зная, как навести порядок в столице, Временный комитет предпринял последнюю попытку спасти монархию: он направил к царю делегацию из двух депутатов (Василий Витальевич Шульгин и Александр Иванович Гучков) с предложением оставить престол в пользу своего несовершеннолетнего сына с передачей всех царских полномочий своему родному брату великому князю Михаилу. Это предложение поддержали командующие фронтами, заявив, что не могут поручиться за армию. Николай II принял это предложение. Но как только известие об этом достигло Петрограда, в народе поднялась буря возмущения. Великий князь Михаил отказался от предложенного ему престола. Думе и Временному комитету стало окончательно ясно, что спасти монархию не удастся. Борьба за эту идею и дальше означало расширять и активизировать революцию «низов».

В этой ситуации Временный комитет Государственной думы пошел на переговоры с Петроградским комитетом рабочих и солдатских депутатов с предложением, чтобы Совет поддержал *Временное правительство России*, которое будет создано Временным комитетом. Эсеры и меньшевики, составлявшие, как уже говорилось, большинство Петросовета, дали такое согласие.

2 марта 1917 г. Временное правительство России было создано. Так в стране установилось *двоєвластие* в центре и на местах, где вместо смещенных народом гу-

бернаторов и исправников Временное правительство назначило председателей земских соборов. В губерниях, городах и на предприятиях, где они были ранее избраны, *продолжали существовать и Советы*. Однако реальная власть, которая в течение девяти часов полностью принадлежала восставшему народу, теперь *снова переходила к буржуазии*.

Но и это не все. Петербургский Комитет РСДРП(б) потворствовал Временному правительству: в его решении от 3 марта говорилось, что не следует противодействовать «власти Временного правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа...» (цит. по: Сахнин, 2017). Пройдет небольшое время, и станет ясно, что это далеко не так...

2 марта перед солдатами и рабочими, собравшимися около Таврического дворца, выступил А. Ф. Керенский, который сказал: «Товарищи, солдаты и граждане, я, член Государственной думы, Керенский — министр юстиции, объявляю во всеуслышание, что новое Временное правительство вступило в исполнение своих обязанностей по соглашению с Советом рабочих и солдатских депутатов.

Соглашение, заключенное между Исполнительным комитетом Государственной думы и Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, одобрено Советом рабочих и солдатских депутатов большинством нескольких сот голосов против пятнадцати» (цит. по: Перетц, 1917: 57).

* * *

Как же развивалась жизнь России за время существования Временного правительства в союзе с эсерами и меньшевиками? Каковы его достижения? Как оценивают его деятельность исследователи, которых невозможно заподозрить в симпатиях к Советам, большевикам, советской власти?

Вот уже упоминавшаяся книга «Две России XX века. Обзор истории 1917–1993 гг.». Труд опубликован издательством «Посев» широко известной антикоммунистической, антисоветской организации Национально-трудовой Союз (НТС). Несколько цитат из главы «Временное правительство» этой книги дают полное представление о том, как оно действовало.

«Временное правительство приняло много законов, часть из которых давно назрела... Но наряду с этим оно приняло и целый ряд мер, *разрушавших страну*. Всеобщая амнистия по “политическим” делам распространялась *на грабителей банков и террористов*. Вышли из тюрем и вернулись из Сибири противники не только “царизма”, но и демократического строя, а с ними заодно *просто уголовники*. Власть губернаторов была отменена, *полиция распущена*. Многие губернаторы были готовы служить Временному правительству, и, отказавшись от них, оно лишило себя рычагов власти на местах. Вместо полиции местному самоуправлению поручили формировать народную *милицию* с выборным начальством, но дело шло вяло, поддерживать правопорядок оказалось некому, *росла преступность*» (Пушкарев и др., 2008: 43).

«Фактически в распоряжении правительства остались только чиновники царских министерств, а *управлять стало некому*. Реальная власть в Петрограде перешла к Совету рабочих и солдатских депутатов... Распространяясь по стране, Советы строили параллельную правительству систему власти... В стране установилось *двоевластие*, перешедшее постепенно в *безвластие*» (там же: 44).

«Армия становилась неуправляемой, теряла боеспособность и превращалась в митингующую толпу...» (там же: 45).

«Уже в апреле между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов *возник конфликт* по главному вопросу — *о целях войны*. Октябристы и кадеты в правительстве выступали за войну “до победного конца”... Большинство же социалистов в Совете стояло на... платформе “мир без победителей и побежденных”... В апреле военный министр А. И. Гучков и министр иностранных дел П. Н. Милюков *ушли в отставку*» (там же: 47–48). Было создано «коалиционное» правительство. В мае председатель Временного правительства князь Львов *ушел в отставку*. Керенский, ставший военным министром, ездил по фронтам, убеждая солдат защищать «родину и революцию». «Русское наступление в июне закончилось *позорным бегством* из Галиции. <...>

Было сформировано *второе* коалиционное правительство, во главе которого стал Керенский. Чтобы справиться с *нарастающей анархией*, он искал опоры и в патриотических кругах, стремясь к национальному единению. *В августе в Москве собирается Государственное совещание*. На нем представлены депутаты Советов, Государственной думы... делегаты от кооперативов, профсоюзов, торгово-промышленных, технических, офицерских и казачьих организаций... всего более 2000 человек. Но вместо национального единения открывается *глубокий ров* между государственниками, которые ставят во главу угла спасение армии и страны от развала, и социалистами, требовавшими “*углубления революции*”» (там же: 48–49).

Генерал Корнилов потребовал роспуска небоеспособных воинских частей и жестких дисциплинарных мер для укрепления фронта и тыла. Полагаясь на поддержку Керенского, он двинул к Петрограду конный корпус генерала А. М. Крымова и «дикую дивизию», чтобы предотвратить *новое восстание большевиков*. Но Керенский увидел в Корнилове не соратника, а соперника, арестовал и отправил его в тюрьму. Крымов застрелился.

«После неудачи выступления... генерала Корнилова ускорился величайший в истории и самый необыкновенный военный бунт — *почти десятиmillionная армия стала просто расходиться по домам*» (там же: 50).

«После корниловского дела *правительство полностью потеряло управление*. Как тогда говорили, “*власть валялась на улице, и большевики ее подобрали*”» (там же: 51).

Тем временем *в стране настигла разруха*: инфляция, спад производства, сбои на транспорте, конфликты на предприятиях, убийства офицеров в армии, кражи и грабежи в городах, самовольные захваты земли на селе, поджоги имений помещиков и дворян.

В городах жизнь становится все хуже, *Временное правительство теряет авторитет*. Керенский пытался укрепить его политическими жестами: назначил себя Верховным главнокомандующим, провозгласил Россию республикой, образовал «директорию» из четырех главных министров, созвал Демократическое совещание, сформировал *третье* «коалиционное» правительство.

Между тем политические настроения в России все более поляризовались. После выборов в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в сентябре *большевики получают в нем подавляющее большинство голосов*. Председателем Петросовета становится Л. Д. Троцкий (перешедший к тому моменту от меньшеви-

ков к большевикам. — *И. И.*). А Ленин засыпает руководство своей партии письмами, требуя немедленного восстания.

Под его нажимом ЦК РСДРП(б) 23 октября принимает резолюцию о подготовке восстания. Троцкий создает при Петроградском совете *Военно-революционный комитет (ВРК)*, ставший главным инструментом захвата и, на первых порах, удержания власти.

Днем 24 октября (6 ноября н. с.) ВРК начал брать под контроль почту, телеграф, телефон, мосты и вокзалы. Смена караулов прошла незаметно. 25 октября (7 ноября н. с.) Временное правительство заседало в Зимнем дворце. Для охраны ему удалось привлечь *несколько сот юнкеров, 130 ударниц женского батальона и 40 георгиевских кавалеров-инвалидов.*

Силы ВРК были гораздо значительней: до 2 тыс. рабочих-красногвардейцев и несколько сот солдат Павловского и Кексгольмского полков. К вечеру прибыло 2–3 тыс. балтийских матросов. С крейсера «Аврора» и из Петропавловской крепости прозвучали пушечные выстрелы. Юнкера отразили матросов со стороны Дворцовой площади пулеметным огнем. Но потом матросы проникли во дворец через никем не охраняемые ворота со стороны Невы и около двух часов ночи арестовали правительство.

Вечером 25 октября (7 ноября н. с.) большевики *поставили II Всероссийский съезд Советов перед фактом захвата власти.* Собравшись снова к вечеру 26-го, съезд выслушал доклад Ленина, принял его декреты о мире и о земле, одобрил представленный им однопартийный состав Совета народных комиссаров (Совнаркома), избрал новый состав своего постоянного органа — ВЦИКа — и разошелся.

Вот так — почти карикатурно — и преподается нынешнему поколению России «Октябрьский переворот»: 24 октября взяли «под контроль почту, телеграф, телефон, мосты и вокзалы», 24 октября не смогли силами «2 тысяч рабочих-красногвардейцев, нескольких сотен солдат и 2–3 тысяч балтийских матросов» одолеть «несколько сот юнкеров, 130 ударниц женского батальона и 40 георгиевских кавалеров-инвалидов», зашли во дворец с неохраемого тыла и арестовали министров. Ну, какая же это «революция», да еще «великая»? Курам на смех. «Власть валялась на улице, и большевики ее подобрали».

А почему бы и не подобрать, если кому-то власть не нужна, и он выбросил ее на мостовую? И кто же это сделал? Временное правительство! Третье «коалиционное» в союзе с «социалистами», как пишут авторы книги, хотя стоило бы уточнить, с каким социалистами: с эсерами и меньшевиками, но не с большевиками...

Политическая история учит: захватил, получил власть — властвуй во благо страны! Властвуй! Не можешь, не умеешь? Отойди в сторону, но не выбрасывай власть на «улицу», по которой «ходят» и «ездят» политические партии, создаваемые исключительно для того, чтобы бороться за власть. Бороться! В том числе вооруженным путем! Насмерть! А тут — «власть валяется на улице!..» Вот ее тут же и подобрали...

Но почему же власть оказалась «на улице»?.. Ведь Временное правительство, находясь во власти восемь месяцев в «коалиции» с «представителями народа», который захватил власть революционным путем и *первым создал орган своей власти* — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, по сути дела, уступил ее (без участия большевиков!..) буржуазии, превратив двоевластие в безвластие, поскольку это правительство полностью обанкротилось. Бессильные и безвольные

неумехи не должны присутствовать во власти, ибо кроме хаоса, они не могут создать ничего. И тогда народ начинает тосковать по «сильной руке», зовет диктатора или тот является сам.

Отстаивая «диктатуру пролетариата», Ленин писал: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть» (Ленин, 1981: 383).

Нравится нам это сегодня или нет, но политическая идеология марксизма, рожденная в XIX в., которую воспринимали и Ленин, и партия большевиков, содержала в себе в качестве ядра идею диктатуры пролетариата.

В книге «Сумерки», говоря о Февральской революции, Яковлев признает: «...буржуазные радикалы и представители умеренных социалистических партий... ввергли страну в состояние полного хаоса, инфляция достигла невиданных размеров, из-за отсутствия сырья и топлива останавливались предприятия, разруха на транспорте грозила парализовать экономическую жизнь, процветало открытое воровство в верхних эшелонах власти, разгулялась преступность. Положение становилось все более угрожающим» (Яковлев, 2003: 93).

Далее Яковлев задается «мучительным вопросом»: «...почему же всего через несколько месяцев, уже осенью 1917 года, демократия, рожденная Февральской революцией, была сметена *контрреволюционным переворотом*?» (там же: 95). И сам же отвечает на этот вопрос: «...Россия была не готова к *одномоментному повороту такого качества, как кардинальная смена общественного и государственного устройства*, особенно в условиях военной разрухи. Люди, обессиленные войной, гибелью кормильцев, нищетой, ожесточались, становились все более безразличными к чужому горю и чужой боли. Оставалась только надежда на чудо. И здесь лежит *разгадка восприимчивости* к разрушительной идеологии революционаризма, в том числе и большевистской идеологии насилия.

Бывают в истории ситуации, когда *и демократия становится великой ложью*, как и другие общественно-политические концепции. Я имею в виду ее толпозависимость. *Большевики блестяще пользовались психологией охлократии, рабски восторженной и рабски покорной, но и беспощадной — как при захвате власти, так и после*» (там же).

Что тут можно сказать? Конечно, если 30 тыс. путиловских рабочих, уволенных с завода и заваривших революционную кашу в конце февраля 1917 г., — это «чернь»; если 200 тыс. рабочих Петрограда, поддержавших призыв путиловцев выйти на демонстрацию, — это «рабски восторженная и рабски покорная, но беспощадная» толпа; если солдаты Вольнского, Павловского, Преображенского и других полков Петроградского гарнизона, перешедших на сторону восставших, не говоря уж о тысячах членов РСДРП (большевиков) — это «худшие из граждан», «маргиналы» и «люмпены», то кто же тогда «народ»? Если все перечисленные Яковлевым — охлократы, а не народ, то возникает существенный вопрос: из какого понятия возникает определение Февральской революции, как «демократической»? Демократия — «это форма государственного устройства, при котором осуществляется *народное правление большинства населения в интересах большинства и с помощью большинства*» (Новая философская энциклопедия, 2000: 619). Если (как получается по Яковлеву) народ — это только царедворцы, дворяне, священники, чиновники и буржуазия, то Февральская революция — это революция

абсолютного общественного *меньшинства* — буржуазии, т. е. просто «буржуазная», но никак не «демократическая». Или (если следовать формулам Яковлева) это революция «буржуазно-охлакратическая», что, по сути, звучит нелепо, абсурдно: такой революции быть не может. На все партии (как царской, так и нынешней) России народ был и остается одним-единственным и общим.

Есть подозрения, что Яковлев был человеком элитистских воззрений: себя относил к «элите», а к народу вообще — относился презрительно; ну а к той его части, которая имела отношения с большевиками, тем более; к большевикам как таковым — с откровенной ненавистью. В конце концов, это его личное право. Беда в том, что эта личность во властной иерархии СССР стояла под номером 2.

Между тем именно народ — основной источник власти. В Конституции СССР (ст. 2) говорилось: «Вся власть в СССР принадлежит народу» (Конституция ... , 1977: 13). В Конституции нынешней России (ст. 3 п. 1) сказано: «Носителем суверенитета и *единственным* источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (Конституция, 1999: 2). Так что кем и чем ни мнил бы себя отдельно взятый гражданин конкретного государства, он, хочет того или нет, входит в понятие «народ». Если, конечно, он не изменник Родины, не отказался от своего гражданства.

Народ, взятый в широком плане. вне понятий «демос» и «этнос», — это население (народные массы) — явление переменчивое и текучее в смысле своих взглядов на мир, разного рода пристрастий и вкусов, в том числе политических. В феврале 1917 г. «массы» в большинстве шли за меньшевиками и эсерами, которые доминировали в Советах. Понимая это, большевики боролись за народ, а народ поглядывал на большевиков, меньшевиков, эсеров, кадетов, анархистов, слушал тех и других, сравнивал и делал свой выбор.

И с каждым месяцем работы Временного коалиционного правительства, Совета рабочих и солдатских депутатов, где заправляли эсеры и меньшевики, все активнее перетекал к большевикам. Итог: в сентябре 1917 г., как уже говорилось, РСДРП(б) на выборах в Петросовет опередила все другие партии. На выборах в Учредительное собрание 25 ноября 1917 г. в Петрограде и Москве большевики получили по 46% голосов, в действующей армии — 40%, а в целом по стране — 23,7%; меньшевики — 4,5%, кадеты — 4,8%, все правые группы — 3,0% (Пушкарев и др., 2008: 56–57). Ничего себе разница!

Больше всего голосов (38%) досталось эсерам, за которых активно выступало сельское население. 26% разделили между собой различные национальные группировки. Явка на выборах — 62% (там же: 57).

5 (18 н. с.) января 1918 г. на *Учредительное собрание* в Таврический дворец прибыли 463 депутата из 715. Избрав председателем собрания эсера В. М. Чернова, они отказались рассматривать повестку дня, предложенную большевиками. После длинных речей приняли решения о земле и о мире, провозгласили Российскую Федерацию, но так и не подняли вопроса о власти, т. е. о создании легитимного правительства в противовес советскому. После двенадцатичасового заседания собрание «закрыли» вооруженные матросы-большевики, заявившие, что «караул устал» (там же).

10–18 (23–31) января в Петрограде собрался III Всероссийский съезд Советов. Он принял Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа и *провозгласил Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику*

(РСФСР). Крестьянские советы были встроены в общую систему Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (там же: 58).

На этом разговор о Февральской революции, если подходить к теме чисто хронологически, можно было бы и закончить. Однако есть вопросы, которые замалчиваются сознательно, то ли их просто не замечают. Между тем вопросы эти имеют архиважное значение.

Необходимо отметить и в дальнейшем при анализе Февральской революции учитывать, что революцию эту творили *два субъекта*: класс рабочих и класс буржуазии, т. е. два антипода, два антагониста, у которых был всего один общий интерес: свергнуть царя, уничтожить самодержавие. В остальном их интересы и задачи были диаметрально противоположными, что в перспективе обещало неизбежный конфликт.

Не менее важно сказать, что Февральская *революция была начата* рабочим классом. Буржуазия мечтала о свержении самодержавия с «фигой в кармане». Более того, она пыталась подавить неожиданное восстание рабочих и присоединившихся к ним солдат, занималась этим несколько дней, но безуспешно. Только тогда председатель Государственной думы Родзянко забил тревогу, начал бомбардировать телеграммами царя, находившегося на фронте. В отставку подал царский Совет министров во главе с его председателем князем Голицыным. Лишь после того как через четверо с лишним суток, в 15 часов дня 27 февраля в столице был создан единый орган политической власти народа — Петроградский комитет рабочих и солдатских депутатов, растерянная Дума решилась создать Временный (исполнительный) комитет как орган государственной власти. Для чего? *Для «наведения порядка в столице».* То есть для подавления народного восстания.

Понимая, что выполнить эту задачу он не в силах, Временный комитет отправляет к царю делегацию с предложением отречься от престола в пользу своего брата великого князя Михаила.

Однако Михаил не принял трон. И вот только тогда днем ранее закрытая царем Дума, игнорируя этот царский манифест, создает Временное правительство, которое тут же вступает в переговоры с Петросоветом о сотрудничестве. Эсеры и меньшевики, составлявшие в тот момент в Совете абсолютное большинство, соглашались на сотрудничество с Временным правительством, а по сути дела *предают* интересы рабочих, солдат и крестьян.

Конфликты Временного (хоть и коалиционного) правительства с Петросоветом начались вскоре и продолжались до Октября, который решил их радикально.

Но почему же власть оказалась «на улице»? Ведь Временное правительство в «коалиции» с меньшевиками и эсерами владели ею *в течение восьми месяцев?* Потому что «двоевластие» выродилось в «безвластие».

Могло ли развитие событий пойти другим путем? Могло. И даже не одним, а тремя путями.

Путь первый: буржуазия не отдает свою судьбу в заложницы времени. Уже через несколько дней после 23 февраля Временное правительство, не вступая ни в какие соглашения с меньшевиками и эсерами в Петросовете, опирается на верных ему и монархии крупных военных деятелей (Корнилова, Краснова, Каледина, Иванова и др.) и многочисленное офицерство, *подавляет восстание силой.*

Революционное движение в Москве и других крупных городах тут же затухло бы: известно, революции, как правило, начинаются со столиц. И этому поспособ-

ствовали бы меньшевики и эсеры. Большевики в феврале еще не были в силе. Ленин находился в Швейцарии. Бюро ЦК РСДРП(б) работало за границей. Троцкий числился в меньшевиках. Петербург был забит полками, отозванными с фронта на отдых. До большого кровопролития был один шаг.

26 февраля к семи часам утра, когда город только начинал просыпаться, *военно-карательные приготовления были закончены*. На подходах к центру, у мостов, на перекрестках и улицах в самом центре столицы было сконцентрировано почти 10 тыс. солдат и городских, переодетых в солдатские шинели. Некоторые воинские и полицейские команды получили на вооружение пулеметы, часть которых была установлена на крышах высоких зданий и колокольнях церквей, стоявших на узловых перекрестках, вблизи больших площадей. В напряженном ожидании замерли пехота и кавалерия. Солдатам было запрещено громко разговаривать, и только всхрапывали и ржали лошади, да зловеще поблескивали на винтовках штыки.

В 13 часов начальник Петроградского гарнизона генерал Хабалов телеграфировал в Ставку: «Мною выпущено объявление, воспрещающее скопление народа на улицах и подтверждающее населению, что *всякое проявление беспорядка будет подавляться силою оружия*. Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно» (Телеграмма генерала Хабалова ... , 1927).

А 27 февраля на улицы Петрограда вышло *более 300 тыс. человек* — почти половина всех работающих города.

Если бы царская власть подавила Февральскую революцию, то, вероятней всего, не произошла бы и революция в октябре. Но царю, Думе, Совету министров, военным деятелям явно не хватило ума осознать остроту ситуации в Петрограде и в России, а в переломный момент — недостало воли и решительности.

Путь второй: создавшие Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов и возглавившие его меньшевики и эсеры могли бы свергнуть только что созданное Временное правительство, пользуясь поддержкой войск Петроградского гарнизона и многих тысяч рабочих. И далее делать то, что сделали потом большевики: строить пирамиду власти в городах и сельской местности. *Но у них не было такой программы, и они не стремились брать власть в свои руки*. По их представлениям, Россия не была готова к радикальной смене общественного уклада. Этим определялось и их *соглашательство* с буржуазией.

Путь третий: получив отставку царя и неожиданное падение царизма в целом, буржуазия могла считать, что ее революционные цели в основном достигнуты и пора решать, какой должна стать новая политическая система в России. Но буржуа боролись против самодержавия при сохранении монархии. Умеренные социалисты (все те же эсеры и меньшевики) были бы счастливы участвовать во власти, не беря на себя всю ее тяжесть. В этом случае в России, по сути дела, все осталось бы на прежнем месте.

РСДРП(б), партия радикального типа, жаждала *полновластия*. Хорошо это или плохо, рассуждать и тем более обвинять кого-то в чем-то сегодня просто глупо. «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

Позади более 100 лет. И мы, так или иначе, должны войти в положение тех лиц, которые жили, действовали в то время, руководствовались теми идеями и знаниями, которые властвовали ими. Разумеется, это можно сделать только в некоторой степени, но уже само погружение в «ситуацию понимания» в какой-то мере позволит нам быть более объективными.

До Февраля 1917 г. и позднее Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) строила свою деятельность на основе марксистской идеологии. С марксистской точки зрения буржуазия — это господствующий класс собственников средств производства в капиталистическом обществе, живущий за счет эксплуатации наемного труда и присвоения прибавочной стоимости. При этом согласно взглядам Маркса буржуазия превращает значительную часть населения в лишенный собственности *пролетариат* и тем самым неизбежно подготавливает собственного «могильщика».

Уже этой фразы достаточно, чтобы сказать, что у каждого из двух классов — класса рабочих и класса буржуазии — конечные цели начавшейся 23 февраля революции были диаметрально противоположными.

Свергнув царя и царский режим, буржуазные «верхи» и политики решили главную задачу своей революции.

Но для многомиллионного народа и Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), других радикальных партий все только начиналось: они отвергали не только последнего царя и его режим, они тотально отрицали все прошлое вместе с его историей, символами, образами и реальными еще живыми людьми, которые творили эту историю.

И вдруг сложился классический вариант революционной ситуации: «верхи» не могли (и об этом только что рассказано словами «той» стороны), а «низы» не хотели и уже не в силах были жить дальше так, как жили. И Ленин *трижды* с начала Февраля воспользовался этим, *нефигур*а противников тактически: в апреле — выступив со своими Апрельскими тезисами; в июле — скрывшись от сыска и руководя подготовкой к революции в течение 110 дней; в октябре — сказав: «Сегодня — или никогда. Завтра будет поздно».

Кто бы и что бы ни говорили о Ленине ныне, надо все-таки признать: он был не только блестящим тактиком, но и великим стратегом — Октябрьская революция *готовилась* несколько десятилетий и предтечей ее была революция 1905 г., когда Ленин говорил о временном захвате власти.

Непримиримость отношений двух органов власти — Петросовета и Временного правительства — особенно ярко проявилась после возвращения Ленина из эмиграции в Россию в начале апреля, когда он потребовал от партии: «Никаких соглашений с Временным правительством!», «Да здравствует социалистическая революция!..»

Между тем буржуазные февраллисты предполагали раскрепощение национальной истории и памяти. Большевики, а с ними полу- или вовсе неграмотные низы (надо признать это) наложили вето на всю дореволюционную историю, выделяя из нее, пожалуй, единственного из царей — Петра I, которого М. Волошин называл «первым большевиком». Ибо построение первого в мире (прежде небывалого) социалистического государства предполагало также образование человека нового типа, в сознании которого знания о прошлом с его взглядами, обычаями и т. п. — значительная помеха. История России (СССР), да и всего человечества как бы началась с нуля. Сегодня мы говорим: это большая ошибка. Да, ошибка. Но 100 с лишним лет назад жили и действовали другие люди, с другими знаниями, в другой обстановке.

Каким образом Яковлев и иже с ним усмотрели в Октябрьской революции всего лишь «переворот», да еще контрреволюцию? Если говорить всерьез и спокойно,

а не предвзято-идеологически, с кипящей ненавистью к большевикам, то «переворотом» надо признать ту часть Февральской революции, которую отработывала буржуазия: два депутата по поручению Временного комитета Думы (Гучков и Шульгин) пришли к царю и потребовали от него отречения от престола; царь отрекся; а тот, кому он хотел передать трон (великий князь Михаил), не принял его. На вид перемена революционная, а по существу — элементарный *дворцовый переворот*, где в заговорщиках — Временный комитет, да и вся Государственная дума целиком.

Что касается заседания Учредительного собрания, прерванного фразой матроса Железняка «Караул устал!», то и тут, на мой взгляд, никакой контрреволюцией не пахнет. Большевики в тот момент (я забегаю вперед) *уже владели властью два с половиной месяца — с 7 ноября 1917 г.*, а Учредительное собрание проходило 18 января 1918 г.

В Октябрьской революции эсеры и меньшевики не участвовали, следовательно, и к завоеванию власти никакого отношения не имели. Да, на выборах в Учредительное собрание набрали больше голосов, чем большевики. Но в подавляющем большинстве это были голоса крестьян — самой неграмотной, самой темной и отсталой части населения России. А РСДРП(б) была партией рабочих, своей главной целью имела установление диктатуры пролетариата, на беднейшее крестьянство влияла еще недостаточно, хотя имела внятную аграрную программу.

Повторяюсь: большевики фактически уже были у власти. И что ж? Теперь отдать ее эсерам и меньшевикам, когда разруха и хаос еще никуда не девались? Надо было наводить порядок, властвовать, а не витийствовать.

Бесхарактерный человек никогда не достигнет цели.

* * *

Никто до «архитектора» «перестройки» Яковлева не называл Великую Октябрьскую революцию «контрреволюцией». «Октябрьская революция», «большевистский переворот», «октябрьский переворот» — такие термины стали звучать все чаще со второй половины «перестройки», а сейчас почти общеприняты.

Примем во внимание, что книгу свою Яковлев издал в 2003 г., когда «перестройка» была уже проклята подавляющей массой народа, когда ложь, выдумки и прочие несуразности в «формулах» главного мифотворца Яковлева стали понятны многим. В работе над «Сумерками» Яковлеву не оставалось ничего иного, как еще больше запутать тех, кто будет читать его труды, хотя бы задним числом.

Ведь если (по Яковлеву) Октябрь 1917 г. считать «контрреволюционным переворотом», то и все последующие годы становления, развития и деятельности СССР со всеми великими достижениями и победами во благо советского народа и всего человечества, вплоть до марта — апреля 1985 г. — это тоже сплошная «контрреволюция»?

Да, часть вторая книги Яковлева «Сумерки» (226 страниц!) так и называется — «Октябрьская контрреволюция», а пять глав, раскрывающих содержание этой части, — вся история СССР, изложенная злобно и ненавистно; тут тебе и Ленин, и Сталин, и Гражданская война, коллективизация, индустриализация, Великая Отечественная, Хрущев и Брежнев, космос, целина, великие стройки века... Все, все, все, что было и не было со страной и людьми... И все, оказывается, было не то, и все было не так. Не по-яковлевски...

«А ларчик просто открывался»...

Ведь если Великую Октябрьскую социалистическую революцию 1917 г. оставить «революцией», «социалистической», да еще «Великой», то как же будет называться и как будет выглядеть «революционная перестройка»? А ведь именно так и называется одна из глав книги Горбачева «Перестройка и новое мышление»: «Перестройка — это революция» (Горбачев, 1987: 46).

Даже обыватель, вероятно, подумал: «Как это так? Революция была уже в октябре 1917 г. Теперь новая революция? Против кого? Против чего? Непонятно».

Надо думать, и те, кто писал эту книгу Горбачеву (тот же Яковлев, как руководитель «мозгового центра» при генсеке), сообразили, что перестарались. Стали думать, как исправить эту нелепость. Придумали: «Перестройка — это революция в революции». Как это? Одна (новая) революция втиснулась внутрь прежней революции? Абракадабра.

Но «слово — не воробей, вылетит — не поймаешь». Оставлять все как сказано? Нельзя. Потому что если «перестройка — это революция» против революции, то это контрреволюция. Если не социалистическая, значит, буржуазная, капиталистическая. Да еще Великая. Все потроха, вся правда наружу. Проболтались, правду сказали, да рано слишком. Вот тогда и началось: «бьем Сталиным по Ленину, Февральской революцией — по Октябрьской»... И выходило все хорошо, как нам (им) надо: Октябрьская революция — контрреволюция, и не социалистическая, а большевистская, а большевики вместе с Лениным — фашисты... Нашлись очень сердитые высказывания великих естествоиспытателей, своих и иностранных знаменитых писателей, бывших дворян и помещиков, именами которых Яковлев и К^о подкрепили свое словоблудие. И получилось все как надо: «перестройка — это революция», а мы (они, заговорщики-перестройщики) — самые настоящие революционеры! Впрочем, назваться революционерами, значит, поставить себя в один ряд с робеспьерами, лениными, сталиными... Не годится! Мы (они) — не просто «перестройщики», мы (они) реформаторы. Как Александр II, граф Витте, премьер-министр России Столыпин. Вот это — наш ряд!

Потому-то третья часть книги Яковлева «Сумерки» называется не «Революция», а — высокопарно! — «*Реформация*». И двухтомник мемуаров Горбачева именован «Жизнь и *реформы*», а не «Жизнь и революция» или «Жизнь и перестройка»...

А на самом деле все они («тройка»), да и вся их компания, не посвященная в конечный замысел заговора, — контрреволюционеры, разрушители всего, что трудом и ратными подвигами, потом и кровью, огромными (оправданными и неоправдаемыми) жертвами советского народа создано за годы советской власти.

Но вот слова из той же книги Горбачева (Яковлева и К^о) «Перестройка и новое мышление», которые нельзя было не произнести — лукавили, маневрировали! В них правда. Я их уже цитировал и процитирую снова, чуть расширив начало и конец текста цитаты, где Горбачев говорит о значении Великой Октябрьской социалистической революции в великих достижениях СССР.

«Россия, в которой 70 лет назад произошла *Великая революция*, — страна древняя, со своей самобытной историей, насыщенной поисками, свершениями и трагическими событиями, давшая человечеству немало открытий и выдающихся имен.

Но Советский Союз — государство молодое, не имеющее аналогов ни в истории, ни в современном мире. За семь десятилетий — а это совсем немного по мер-

кам человеческой цивилизации — наша страна прошла путь, равный столетиям. На месте бывшей отсталой, полуколониальной и полуфеодальной Российской империи создана одна из самых могущественных держав мира — огромные производительные силы, мощный интеллектуальный потенциал, высокоразвитая культура, уникальное содружество более чем ста наций и народностей, прочная социальная защищенность для 280 миллионов людей на территории в одну шестую часть Земли. Все эти достижения огромны и неоспоримы. И советские люди ими по праву гордятся.

Я говорю это не из желания показать страну лучше, чем она была и есть. Не хочу выглядеть своего рода апологетом, для которого раз “свое”, значит, самое хорошее, безусловно превосходное. То, о чем я тут напомнил, — это реальная действительность, подлинные факты, зримые плоды труда нескольких поколений нашего народа. И столь же очевидно, что *этот взлет страны стал возможен лишь благодаря революции. Это — ее плоды, плоды социализма, как нового общественного строя*, итоги того исторического выбора, который наш народ сделал. За ними — *подвиг наших отцов и дедов*, миллионов людей труда — рабочих, крестьян и интеллигентов, которые 70 лет назад взяли на себя прямую ответственность за судьбы своей страны» (Горбачев, 1987: 12).

И далее Горбачев говорит: «Дело доходит до того, что и *Октябрь 1917 года был ошибкой*, чуть ли не отрезал наш народ и нашу страну от магистрального пути общественного прогресса.

Чтобы исключить всякие кривотолки и спекуляции по этому вопросу — а их мы немало слышим с Запада, — хочу еще раз подчеркнуть: *все свои преобразования мы осуществляем в соответствии с социалистическим выбором*, ответы на вопросы, поставленные жизнью, мы ищем в рамках социализма, а не за его пределами. Все свои успехи и ошибки мы измеряем социалистическими мерками. *Тем, кто надеется, что мы свернем с социалистического пути, предстает горькое разочарование*» (там же: 32).

Ну, вот, осуществили «реформацию», «перестроили» СССР. 35 лет прошло! Оглянешься, вспомнишь, подумаешь — и горько на душе...

Конечно, в советском прошлом было немало такого, что сегодня хотелось бы исправить, но это, увы, невозможно. Конечно, странными для множества людей в наши дни выглядят иллюзии таких умных людей, как Маркс и Ленин, по поводу цепной реакции пролетарских революций по всему миру, перепугавшими этот мир до полусмерти. Да, они свершились в Германии, Венгрии, Словакии, Финляндии, Болгарии, но на этом их вулкан потух... Явно переоценивалась роль классовых интересов и классовых отношений, готовность масс к восстаниям и революциям; недооценивалась пассивность большинства людей, которых не интересует в жизни ничего, кроме спокойного бытования без всяких кризисов, бунтов и революций. «Лишь бы брюхо было сыто...» Мещанство — это болото, а философия массового потребительства — это крючок, на который подловилось уже полчеловечества.

Охватывает жуть от одной только мысли, как много людей сгорели в топках революционных лозунгов: «Пусть сильнее грянет буря!», «Не убоимся гражданской войны!». И не только эксплуататоры и угнетатели, политические противники и подлинные враги народа, предатели и шпионы поплатились судьбами и жизнями в результате этих идей и лозунгов. Но и множество простых, честных и работающих людей пали жертвами на пути построения социально справедливого общества.

До боли обидно понимать, насколько сильно было догматизировано сознание огромного множества умнейших людей, как плохо развивались общественные науки, работая в режиме «скорой помощи», не будучи способными определить свое место и реальные пути развития в системе капиталистических стран, представить стратегию движения собственного общества на десятилетия вперед, а не только на очередную пятилетку. Недопустимо отрешиваться от будущего умозрительными теориями прошлого, какими бы великими мыслителями не были их авторы.

Перечень добросовестных заблуждений и грубых ошибок из-за «серого» интеллектуального уровня тысяч руководителей высшего и среднего руководящего состава партии и государства, в том числе первых лиц (за исключением Ленина и Сталина, возможно, Андропова), можно продолжить.

И все-таки я никак не могу согласиться с тем, будто Октябрьская революция прервала быстрое восхождение к вершинам прогресса, что большевики — неудачники и виновны в этом. Октябрь был Великим, а советская система — эффективна; они способствовали, в том числе и тому, что в капиталистическом мире произошли серьезные позитивные изменения в сторону социальной справедливости и социального равенства людей.

Советская власть продемонстрировала миру возможности форсированного преодоления экономической и культурной отсталости России, а тем более азиатских и кавказских республик, вошедших в состав СССР.

Плановые методы хозяйствования доказали свою эффективность в создании высокообразованного общества, могучей армии и высокого уровня экономики перед лицом предстоящей агрессии нацистской Германии.

Новый советский тип человека стал реальностью, несмотря на добровольно-принудительные способы мобилизации масс. Это неоспоримо, хотя многие не могут и не хотят понять этого.

Советская система доказала, что такая огромная страна, как СССР (а теперь, на мой взгляд, и Россия), может успешно развиваться на основе *самодостаточности*, если ее политическая система не подвержена внутренней коррозии со стороны «агентов влияния», «пятой колонны» и предателей. В этом случае стране не страшны внешние воздействия даже в виде холодной войны.

Время показало преимущества социалистического строя перед капиталистическим. И это хорошо видно из социологических исследований, которые проводились еще в ходе «перестройки» и в последние годы новой истории.

Вот показательный пример.

В конце сентября 1990 г. Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел опрос об исторической необходимости и итогах Великой Октябрьской революции (Заславская, 1991). (Заметим: после пяти с половиной лет антисоциалистической, антисоветской, антикоммунистической ежедневной бомбардировки этого «общественного мнения» системой яковлевского агитпропа и сорока пяти лет холодной войны. — И. И.)

В городах и селах 16 регионов страны были опрошены 1848 человек, достаточно точно репрезентирующих социально-демографическую структуру населения СССР. Приведу только несколько цифр.

Из 40–50% взрослого населения страны 52% ответили, что большевики должны были взять власть; 39% — что Октябрьская революция выражала реальную волю народов страны; 45% — что революция открыла новую эру в ее истории,

дала толчок ее социальному и экономическому развитию. Если бы эти люди жили в 1917 г., то 40–43%, скорее всего, поддержали бы большевиков (там же: 8)

28% считали, что захват власти большевиками не был исторически необходим; 32% сказали, что общество могло достигнуть выдвинутых большевиками целей без революции (там же: 9).

15–20% респондентов не имели определенного мнения по большинству рассматриваемых вопросов (там же).

ВЦИОМ использовал также вопросы, прямо касающиеся сравнения социализма с капитализмом. Так, в *марте 1990 г.* респондентов спросили о том, каким они хотели бы видеть Советское государство в будущем. Прямые сторонники перехода страны с *социалистического пути на капиталистический составили около 10%* (там же).

В сентябрьском опросе 1990 г. был использован другой вариант того же вопроса: «Каким курсом должен следовать СССР в будущем?». За *«отказ от социализма и переход к капитализму» высказались 8%* (там же).

Наконец, сравнительно небольшая (8–9%), но убежденная социальная группа безоговорочно голосовала за капитализм со всеми его проблемами, противоречиями и достижениями.

Данные этих исследований гораздо обширней, в них немало цифр, говорящих о критическом и отрицательном отношении к реальному социализму (еще раз скажу: после пяти с половиной лет массивного очернения Маркса и марксизма, Ленина и ленинизма, Сталина и сталинизма, бессовестной лжи и спекуляции на действительных проблемах реального социализма).

Но что поразительно: *только 8% выступили за отказ от социализма, и всего то 8–9% — за переход к капитализму* (там же: 10).

И к какому же окончательному и категорическому выводу приходит автор статьи «Социализм, перестройка и общественное мнение» Т. И. Заславская? Социалистический строй, СССР и населяющий его советский народ необходимо как можно скорее демонтировать, т. е. уничтожить. Не удивляйтесь — это не глупость, я был знаком с покойной Т. И. Заславской. С давних времен она была застарелым антикоммунистом и антисоветчиком, но была назначена директором ВЦИОМ. Однако, как и Яковлев, не хотела выдавать себя. А с началом «перестройки» стала *советником Горбачева*. Социология — «женщина» очень лукавая. В ней важны не столько цифры, сколько «мастерство» интерпретации. А это зависит и от заказчика исследования («Я хочу...»), и от способности интерпретатора к протитуированию («Чего изволите...»). Статья Заславской вышла в *августе 1991 г.* До демонтажа СССР оставалось меньше четырех месяцев... Тут дело не в прихоти Горбачева с братьями, тут никакого субъективизма и волюнтаризма, тут все по науке, а против нее не попрешь...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полная цитата: «На основании ст. 99 Основных государственных законов повелеваем: Занятия Г. Думы и Г. Совета прервать 26 февраля сего года и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 года в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Правительствующий Сенат не оставит к исполнению сего учинить надлежащее распоряжение». На подлинном Собственного Его Императорского Величества рукою подписано: НИКОЛАЙ. В Царской ставке, 25 февраля [1917 г.]. Скрепил: председатель Совета Министров кн. Николай Голицын (Манифест о роспуске Государственной Думы: Электронный ресурс).

² Стоит заметить, что об этом пишут и авторы книги «Две России XX века. Обзор истории 1917–1993 гг.»: «Фактически в распоряжении правительства остались только чиновники царских министров, которые послушно писали законы, а управлять стало некому. Реальная власть в Петрограде перешла к Совету рабочих и солдатских депутатов... Советы строили параллельную правительству систему власти... В стране установилось двоевластие, перешедшее *постепенно в безвластие*» (Пушкарев и др., 2008: 44).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

А. И. Гучков рассказывает (1993) Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М. : ТОО Редакция журнала «Вопросы истории». 144 с.

Бушков, А. А. (2002) Россия, которой не было: Загадки, версии, гипотезы. Москва : Олма-пресс ; Санкт-Петербург : Нева ; Красноярск : Бонус. 606 с.

Горбачев, М. С. (1987) Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М. : Политиздат. 270 с.

Гурко, В. И. (1909) Наше государственное и народное хозяйство : докл., представл. V Съезду уполномоченных объедин. дворян. о-в. СПб. : Лештуковская паровая скоропеч. П. О. Яблонского. 243 с.

Джунковский, В. Ф. (1997) Воспоминания : в 2 т. / под общ. ред. А. А. Паниной. Т. 2. М. : Изд-во им. Сабашниковых. (Записи прошлого). 685 с.

Заславская, Т. И. (1991) Социализм, перестройка и общественное мнение // Социологические исследования. №8. С. 3–21.

Зеньковский, А. (2002) Правда о Столыпине. М. : Аграф. 255 с.

Зырянов, П. Н. (1992) Петр Столыпин. Политический портрет. М. : Высшая школа. 157 с.

Ильинский, И. (1986) Василий Алексеев. М. : Молодая гвардия. 349 с.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (1977). М. : Политиздат.

Конституция Российской Федерации (1999). М.

Ленин, В. И. (1969) Полн. собр. соч. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. В 55 т. Т. 26: Июль 1914 — август 1915. М. : Издательство политической литературы. 590 с.

Ленин, В. И. (1981) Полн. собр. соч. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. В 55 т. Т. 41. Май — ноябрь 1920. М. : Издательство политической литературы. 696 с.

Ленин, В. И. (1973) Полн. собр. соч. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. В 55 т. Т. 30: Июль 1916 — февраль 1917. М. : Издательство политической литературы. 561 с.

Манифест о роспуске Государственной Думы [Электронный ресурс] // Федеральное Собрание Российской Федерации. Государственная Дума РФ. URL: <https://www.gosduma.net/about/history/information/history-06/> (дата обращения: 02.05.2021).

Новая философская энциклопедия (2000). В 4 т. / науч.-ред. совет.: В. С. Степин и др. Т. 1. М. : Мысль. 721 с.

Общественное движение в России в начале XX века (1914). В 4 т. Т. 3. Кн. 5. Партии — их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе / под ред. А. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. Польза». 643 с.

Перетц, Г. Г. (1917) В цитадели русской революции : Записки коменданта Таврического дворца. 27 февр. — 23 марта 1917 г. 2-е изд. Петроград : Типо-лит. акц. о-ва «Просвещение». 112 с.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году (1991). Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, заседаний исполнительного комитета и фракций (27 февраля — 25 октября 1917 г.) : в 5 т. / под общ. ред. П. В. Волобуева. Т. 1. А. : Наука.

Покровский, М. Н. (1913) Крестьянская реформа // История России в XIX веке. В 9 т. Т. 3: Эпоха реформ (1840–1866). СПб. : А. и И. Гранат. 322 с.

Пушкарев, Б. С. и др. (2008) Две России XX века. Обзор истории 1917–1993. М. : Посев. 591 с.

Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи (1909). Собрание 3-е : в 33 т. Т. 26. № 28252. СПб. : Гос. тип. 1141 с.

Русские цари, 1547–1917 (1997) / под ред. Х.-И. Торке ; ред. С. В. Пономарева. Ростов н/Д : Феникс ; М. : Зевс. 572, [1] с. : ил.

Сахнин, А. (2017) Опыт Октября 1917-го года. Как делают революцию. М. : Алгоритм. 288 с.

Телеграмма председателя Государственной Думы М.В. Родзянко императору Николаю II о начавшихся в Петрограде беспорядках. Получена в Ставке 26 февраля 1917 г. в 22 час. 40 мин // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2089. Л. 1.

Телеграмма генерала Хабалова генералу Алексееву 26 февраля 1917 г. № 3703 (1927) // Красный архив. № 2 (21). С. 5.

Телеграмма Родзянко царю 27 февраля 1917 г. (1927) // Красный архив. № 2 (21). С. 6.

Троцкий, Л. Д. (1990) К истории русской революции : [Сборник]. М. : Политиздат. 446 с.

Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2 т. Т. 1. М. : Т8RUGRAM. 544 с.

Яковлев, А. Н. (2003) Сумерки. М. : Материк. 687 с.

Дата поступления: 31.05.2021 г.

THE MYTHS OF “PERESTROIKA”

I. M. ILINSKIY

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The year 2021 is associated with an important and dramatic event in the history of Russia. On 26 December, 1991, the Soviet of the Republics of the Supreme Soviet of the USSR adopted the declaration of the dissolution of the Soviet Union. The ground for this decision was laid by “perestroika” devised by M. S. Gorbachev and his closest associate A. N. Yakovlev with the aim of “enhancing socialism”. During the course of “perestroika”, Yakovlev acquired the title of its “ideologist” and “architect” among liberal masses.

In the post-perestroika years, several books by A. N. Yakovlev came out: “Bitter Cup”, “Time of Darkness”, “100 Best Interviews” and others, in which he attempted to present the need for “perestroika” in the context of the whole history of Russia since the Great October Socialist Revolution. However, a whole lot of his principal ideas, assessments, and conclusions tend to be unreliable, highly biased, and often contain a distorted narrative of history. Having a mythological, unsubstantiated nature, these ideas largely aim to justify the actions that led to the collapse of the Soviet Union, which as alleged constrained or even thwarted the harmonious economic development of thriving Tsarist Russia.

Nevertheless, in order to understand the subject of research, one needs to consider it in a historical context. It is an undoubted principle of scientific methodology: time is undividable, its three modes — “present”, “past”, and “future” — are conventional; the past, to some extent, is present in the present. The author of the paper — Soviet and Russian philosopher and sociologist, Doctor of Philosophy, Professor I. M. Ilinskiy — places “perestroika” as a historic event in a broader and deeper historical context of what had already happened to Russia in order to portray the Occurred in a more truthful, objective, unbiased light. The author draws on documentary sources in his attempt to reconstruct the authentic picture of the Soviet history and reveal the historical truth about the events of the October Revolution which are misinterpreted in Yakovlev’s books.

The paper contradicts A. N. Yakovlev’s myth of the October Revolution as a “counter-revolutionary” coup, which led to the country developing an allegedly ineffective economy. The author reveals the history of a whole series of events since the 1826 manifesto which put a ban on discussing serfdom openly; he demonstrates the complexity of the pre-revolutionary situation; shows the peculiarities of various parties and alliances participating in these processes, as well as the State Duma, the Council of Ministers, and the Provisional Government. He therefore dispels the myth providing legi-

timacy to the activities that led to the destruction of the Soviet Union in 1991 — “the greatest geopolitical catastrophe of the 20th century” as described by the President of Russia Vladimir Putin.

Keywords: “perestroika”; Soviet Union; mythologisation of history; Russia; Great October Socialist Revolution

REFERENCES

- A. I. Guchkov rasskazyvaet (1993) *Vospominaniia predsedatelia Gosudarstvennoi dumy i voennogo ministra Vremennogo pravitel'stva*. Moscow, TOO Redaktsiia zhurnala «Voprosy istorii». 144 p. (In Russ.).
- Bushkov, A. A. (2002) *Rossii, kotoroi ne bylo: Zagadki, versii, gipotezy*. Moscow, Olmapress; Saint-Petersburg, Neva; Krasnoarsk, Bonus. 606 p. (In Russ.).
- Gorbachev, M. S. (1987) *Perestroika i novoe myslenie dlia nashei strany i dlia vsego mira*. Moscow, Politizdat. 270 p. (In Russ.).
- Gurko, V. I. (1909) *Nashe gosudarstvennoe i narodnoe khoziaistvo: dokl., predstav. V S'ezdu upolnomochennykh ob'edin. dvorian. o-v.* Saint-Petersburg, Leshtukovskaia parovaia skoropech. P. O. Iablonskogo. 243 p. (In Russ.).
- Dzhunkovskii, V. F. (1997) *Vospominaniia*: in 2 vol. / ed. by A. L. Panina. Vol. 2. Moscow, Izdatelstvo imeni Sabashnikovykh. 685 p. (In Russ.).
- Zaslavskaiia, T. I. (1991) Sotsializm, perestroika i obshchestvennoe mnenie. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 3–21. (In Russ.).
- Zen'kovskii, A. (2002) *Pravda o Stolypine*. Moscow, Agraf. 255 p. (In Russ.).
- Zyrianov, P. N. (1992) *Petr Stolypin. Politicheskii portret*. Moscow, Vysshiaia shkola. 157 p. (In Russ.).
- Il'inskii, I. (1986) *Vasilii Alekseev*. Moscow, Molodaia gvardiia. 349 p. (In Russ.).
- Konstitutsiia (Osnovnoi Zakon) Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* (1977). Moscow, Politizdat. (In Russ.).
- Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii* (1999). Moscow. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1969) *Polnoye sobranie sochineniy*. 5th edition. In 55 vol. Vol. 26: Iiul' 1914 — avgust 1915. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 590 p. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1981) *Polnoye sobranie sochineniy*. 5th edition. In 55 vol. Vol. 41. Mai — noiabr' 1920. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 696 p. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1973) *Polnoye sobranie sochineniy*. 5th edition. In 55 vol. Vol. 30: Iiul' 1916 — fevral' 1917. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 561 p. (In Russ.).
- Manifest o rospuske Gosudarstvennoi Dumy* [online] *Federal'noe Sobranie Rossiiskoi Federatsii. Gosudarstvennaia Duma RF*. Available at: <https://www.gosduma.net/about/history/information/history-06/> (accessed: 02.05.2021). (In Russ.).
- Novaia filosofskaia entsiklopediia* (2010): in 4 vol. / ed. by V. S. Stepin et al. Vol. 1. Moscow, Mysl'. 721 p. (In Russ.).
- Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka* (1914). In 4 vol. Vol. 3. Book 5. Partii — ikh sostav, razvitie i proiavlenie v massovom dvizhenii, na vyborakh i v Dume / ed. by L. Martov, P. Maslov, A. Potresov. Saint Petersburg, Tip. t-va «Obshchestv. Pol'za». 643 p. (In Russ.).
- Peretts, G. G. (1917) *V tsitadeli russkoi revoliutsii: Zapiski komendanta Tavricheskogo dvortsia*. 27 fevr. — 23 marta 1917 g. 2nd ed. Petrograd, Tipo-lit. akts. o-va «Prosveshchenie». 112 p. (In Russ.).
- Petrogradskii Sovet rabochikh i soldatskikh deputatov v 1917 godu* (1991) Protokoly, stenogrammy i otchety, rezoliutsii, postanovleniia obshchikh sobranii, zasedanii ispolnitel'nogo komiteta i fraktsii (27 fevralia — 25 oktiabria 1917 g.): in 5 vol. / ed. by P. V. Volobuev. Vol. 1. Leningrad, Nauka. (In Russ.).
- Pokrovskii, M. N. (1913) Krest'ianskaia reforma. In: *Istoriia Rossii v XIX veke*. In 9 vol. Vol. 3: Epokha reform (1840–1866). Saint Petersburg, A. i I. Granat. 322 p. (In Russ.).
- Pushkarev, B. S. et al. (2008) *Dve Rossii XX veka. Obzor istorii 1917–1993*. Moscow, Posev. 591 s. (In Russ.).

Rossia. *Zakony i postanovleniia. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* (1909) Collection 3rd : in 33 vol. Vol. 26. № 28252. Saint Petersburg, Gos. tip. 1141 p. (In Russ.).

Russkie tsari, 1547–1917 (1997) / ed. by Kh.-I. Torke ; S. V. Ponomareva. Rostov n/D : Feniks ; Moscow, Zevs. 572 p. (In Russ.).

Sakhnin, A. (2017) *Opyt Oktiabria 1917-go goda. Kak delaiut revoliutsiiu*. Moscow, Algoritm. 288 p. (In Russ.).

Telegramma predsedatelia Gosudarstvennoi Dumy M. V. Rodzianko imperatoru Nikolaiu II o nachavshikhsia v Petrograde besporiadkakh. Poluchena v Stavke 26 fevralia 1917 g. v 22 chas. 40 min. In: *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*. F. 601. Op. 1. D. 2089. L. 1. (In Russ.).

Telegramma generala Khabalova generalu Alekseevu 26 fevralia 1917 g. № 3703 (1927) In: *Krasnyi arkhiv*, no. 2 (21), p. 5. (In Russ.).

Telegramma Rodzianko tsariu 27 fevralia 1917 g. (1927) In: *Krasnyi arkhiv*, no. 2 (21), p. 6. (In Russ.).

Trotskii, L. D. (1990) *K istorii russkoi revoliutsii : [Collection of articles]*. Moscow, Politizdat. 446 p. (In Russ.).

Trotskii L.D. (2018) *Istoriia russkoi revoliutsii*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, RUGRAM. 544 p. (In Russ.).

Iakovlev, A. N. (2003) *Sumerki*. Moscow, Materik. 687 p. (In Russ.).

Submission date: 31.05.2021.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-78-78. Эл. адрес: iilinskiy@mosgu.ru

Iilinskiy Igor Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Rector, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-78-78. E-mail: iilinskiy@mosgu.ru